

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование

Дмитрия Александровича Беговатова

«Городское православное духовенство Тверской епархии в первой половине XIX века:

профессиональная деятельность и повседневная жизнь»,

представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Изучение жизни и служения православного духовенства Синодального периода – исключительно важная и актуальная тема, позволяющая исследователю лучше понять традиции «русских левитов», оставлявших особую «касту» – со своими правилами, нормами, стереотипами поведения. Не будет ошибкой признать, что подобное изучение существенно облегчает анализ социально-психологических аспектов церковной жизни императорской России, без чего трудно надеяться на адекватное понимание истории Православной Церкви XVIII – начала XX вв. Разумеется, изучение церковной проблематики в каждый конкретный момент истории (будь то время петровских реформ, эпоха Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Второй и т. д.) имеет специфические особенности, требующие безусловного внимания к общеимперскому историческому «контексту».

Для первой половины XIX столетия, к которому обращается в своей работе Дмитрий Александрович Беговатов, этот «контекст» связан с царствованиями императоров Александра I и Николая I. В тот период, когда самодержавная государственность достигла пределов могущества, вопрос о христианской основе империи был актуализирован. Стремясь укрепить свой религиозный фундамент, власть не могла не обратить внимание и на православное духовенство, без улучшения положения которого трудно было надеяться на эффективное использование влияния Православной Российской Церкви –

первенствующей и господствующей в империи. Действительно, в первой половине XIX века Церковь и религия начинают играть роль идеологической силы империи (Д. А. Беговатов, справедливо обращая на это внимание, использует не вполне корректное выражение, называя Церковь и религию «активными компонентами государственной доктрины»). Но в любом случае, первая четверть XIX века прошла под влиянием «универсального христианства», а во второй православие включили как первоэлемент в «уваровскую триаду». Это – важное заключение, которое автор верно понимает (хотя, добавим от себя, использование Церкви в качестве идеологической силы коренным образом противоречит тем задачам, которые Церковь должна решать в этом мире: идеология не просто безлична, она – против личности, почему и не совместима с православием по существу).

Обращаясь к истории Православной Российской Церкви первой половины XIX века, Д. А. Беговатов выбрал для исследования городское православное духовенство Тверской епархии, показав на конкретном примере, какие проблемы стояли перед представителями духовного сословия в эпоху Александра I и Николая I и как они решались. Его исследование, написанное с привлечением широкого круга источников – прежде всего тех, что хранятся в Государственном архиве Тверской области – позволяет не только разобраться с конкретными «региональными» вопросами (о численности городского духовенства Тверской епархии, о его материальном положении и профессиональной подготовке, а также о быте, нравах и привычках), но и проверить корректность отдельных обобщений, ранее сделанных историками Церкви, отечественными и зарубежными.

Называя городское духовенство самостоятельным «отрядом» духовного сословия, Д. А. Беговатов отмечает, что в советской науке проблемы этого «отряда» практически не обозначались. Можно сказать, что не особо они обозначены и ныне. Это заставляет признать работу Д. А. Беговатова во многом новаторской – не столько по подходам, сколько по выводам, сделанным на основе глубокого и всестороннего анализа источников.

«Региональный» аспект в этом случае лишь помогает делать экстраполяции, касающиеся положения православного духовенства центральных епархий России, *in corpore*.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений, в состав которых включены 11 таблиц, служащих иллюстрацией и доказательством тех выводов, к которым в ходе исследования пришел автор.

В первой главе речь идет о городском духовенстве Тверской епархии указанного времени в целом: анализируются количественные характеристики, правовой статус городского клира и его служебная деятельность. Автор показал, что взгляд на причетников как на исполнителей «эстетической функции», принципиально неверен, поскольку они выполняли функции, необходимые при совершении богослужения. Им также показано, что городское духовенство составляло подавляющее меньшинство в среде духовенства епархиального (около 15%), но тенденция роста абсолютной численности городского духовенства была устойчивой (при наличии в каждом городе индивидуальной динамики). Являясь в первой половине XIX века своеобразной «прослойкой» между властью и обществом, высшими и низшими его слоями, духовенство выступало в роли связующего звена мира светского и мира духовного. Его жизнь во многом этим и определялась. Но в самой духовной среде также существовали различные группы: священники имели большие права и привилегии, чем диаконы, а диаконы – чем причетники. При этом все они зависели от епархиального архиерея, имевшего неограниченную власть по отношению к подвластным ему клирикам. Автор показывает, что иронично-снисходительное отношение общества к членам причта не в последнюю очередь было вызвано этим обстоятельством (по словам автора, «это подрывало ментальные и идеологические основы русского самодержавия»). Анализируя положение духовного сословия, Д. А. Беговатов полагает, что его следует признать «полупривилегированным сословием». Другое дело, возможно ли было изменить это положение, учитывая кастовость духовенства, его замкнутость и отстраненность от

других слоев русского общества? Вопрос остается без ответа, хотя понятно, что одного осознания светской властью данного положения вряд ли для этого было достаточно.

Кроме того, как показывает автор, прямые обязанности священника были существенно уже реального круга его деятельности. Со времен Николая I священники обязаны были читать прихожанам проповеди, учить их катехизису. Соответственно, увеличивались требования и к образованию пастыря, который должен был быть подготовлен к участию в деле духовного просвещения народа. На примере городского духовенства Тверской епархии автор показывает, как это происходило, не забывая и то обстоятельство, что клирики должны были выполнять различные хозяйственные и административные функции. Эти функции включали и выполнение разного рода государственных требований. Автор прав, когда пишет: «Контроль за приобщением Св. Тайн, распространением раскола и нарушение тайны исповеди явно связывали служителей церкви с полицейскими органами, что могло негативно сказываться на образе священнослужителя». Но его характеристика духовенства как *слоя идеологов Российской империи*, доверие к которому названными выше мерами подрывалось, некорректна (в том числе и потому, что представители «полупривилегированного сословия» в принципе не могли исполнять роль идеологов – они могли лишь использоваться в государственных/идеологических целях).

Показывая на многочисленных примерах, как городское духовенство привлекалось к работе в различных епархиальных органах, к преподавательской деятельности, исполнению иных функций, напрямую не связанных со священническим служением, автор полагает, что это содействовало формированию нового типа священнослужителя. Данный процесс, по его мнению, «был закономерным следствием взгляда на духовное сословие как на корпус “главных идеологов” государства, опору самодержавия и слой посредников между властью и народом». Повторю: использование Церкви в качестве идеологической силы вовсе не равнозначно характеристике ее служителей в качестве

«идеологов»: это методологически неверно; тем более, что утверждение принципов самодержавия было не идеологической задачей, а мировоззренческим принципом, разделяемым абсолютным большинством клириков. Разумеется, их рассматривали как воспитателей народа, обязанных помогать светской власти, которая, к слову, и формально была властью православной. Идеологом не может быть тот, чье служение позволительно сравнивать с государственной барщиной.

Вторая глава работы посвящена рассмотрению городского духовенства Тверской епархии в профессиональном дискурсе и включает сюжеты, посвященные анализу системы образования и подготовки к служению, доходам и материальной обеспеченности клириков, их социальным гарантиям и системе наказаний за те или иные проступки.

В этой главе автор блестяще продемонстрировал навыки исследователя, одинаково хорошо описывающего частные, локальные сюжеты, и умеющего их обобщать. На примере Тверской епархии он показал, что доля городских священников с полным семинарским образованием к середине XIX века превысила 90%, что было значительно выше, чем в других регионах империи. Говоря об образовании клириков, Д. А. Беговатов рассмотрел положение Тверской семинарии, предоставив интересный статистический материал и рассказав о существовавших в то время проблемах. Последние были типичны для большинства духовных школ России: слабость требований, формализм и злоупотребление при контроле и оценке знаний. Примечательна и особенность отношений тверских семинаристов и их наставников, подмеченная автором, – «боязнь физической расправы, которую испытывали профессора: в истории семинарии встречаются случаи угроз, избиений и покушения на убийство». И это при том, что Тверская семинария была далеко не самой худшей в России!

Отдельно следует сказать о параграфе, посвященном анализу доходов тверского городского духовенства и его материальной обеспеченности. Автор доказывает правомерность тезиса о том, что правовое положение иереев, приближавшееся к

положению личных дворян, существенно диссонировало с их материальным достатком – разрыв с сопоставимыми категориями чиновников и военных достигал многократного значения. К середине XIX века, пишет Д. А. Беговатов, ссылаясь на воспоминания современников и заключения исследователей, «бедность причтов уже стала восприниматься как их естественный удел». Роль жалования в обеспечении духовенства в середине XIX века была мала, а отсутствие единых правил раздела доходов порождало конфликты внутри причтов и тяжбы. Скрупулезно изучая все возможные материалы, свидетельствующие о различных способах получения клириками средств к существованию, автор доказывает, что их жалобы на бедственное материальное положение в целом соответствуют истине и, по существу, неправильно говорить о несоответствии претензий духовного сословия его возможностям. Существенного роста реального уровня жизни духовенства в первой половине XIX века не было: затраты превышали все возрастающие расходы, хотя, как справедливо полагает автор, не следует забывать и о том, что возвышение статуса духовного лица требовали соответствия в бытовой сфере жизни, когда рост потребностей опережал рост благосостояния. Д. А. Беговатов в весьма деликатной форме пишет и о некорректности акцентировать внимание на чрезмерном увлечении духовенством материальными и благами. «Стабильная система материального обеспечения белого духовенства в рассматриваемый период не сложилась», – резюмирует автор.

Значительный интерес представляет и сделанный им обзор вопроса о призрении лиц духовного ведомства. Детально разбирая положение с материальным вспомоществованием семей умерших клириков, автор доказывает, что системы духовного призрения как таковой не существовало, хотя формально набор видов помощи и источников финансирования был достаточно обширным. Правила оказания помощи и единые гарантии нуждавшимся отсутствовали, соответственно у служителей Церкви не было и уверенности в завтрашнем дне, в будущем их семей. Д. А. Беговатов прав, когда

полагает, что это формировало неблагоприятный эмоциональный фон, создавая предпосылки для поведенческих девиаций и нарушений служебной дисциплины, рассказ о которой завершает вторую главу. Автор справедливо указывает на разнородность нормативно-правовой базы и противоречивость отдельных положений, которыми мог руководствоваться церковный суд и результатом чего становился произвол церковной администрации и ее коррумпированность. Слабо развита была и апелляция процедура. Поиск незаконных способов достижения выгодного результата следствия в таких условиях получал вполне естественное объяснение. Впрочем, важнее отметить иное обстоятельство, на которое обратил внимание Д. А. Беговатов: в среде духовенства проступки и преступления были минимальны. В начале 1850-х гг. судимы и оштрафованы были только 6% священников, 6,2% диаконов и 11,1% причетников, что составило 8,7% от числа всех городских клириков Тверской епархии. Разбираясь в причинах, которые могли провоцировать проступки в духовной среде, способствовать росту числа поведенческих девиаций, автор обратил внимание на сокращение внутри сословных перемещений по восходящей. Это – важное замечание, лишнее свидетельство о том, что кастовость духовенства не только мешала его представителям органично войти в состав русского общества, но и отрицательно сказывалась на уровне правонарушений в его среде.

Значительный социально-психологический интерес представляет третья глава исследования, посвященная повседневной жизни городского духовенства Тверской епархии. Автор не только рассматривает вопросы, связанные с заключением браков и внутрисемейных отношений, но также касается проблем досуга, жилищных условий, рациона питания и одежды духовенства. В работе показано, как обычай наследования церковного места влиял на морально-нравственное состояние семьи клирика, как браки, напоминавшие деловую сделку, не только не способствовали семейному счастью, но и служили причиной девиантных поступков мужей, влияя на уровень религиозности жен.

Внимательно изучил автор и «бытовые» проблемы городского духовенства Тверской епархии, показав исключительную сложность для клириков первой половины XIX века «жилищного вопроса» (тем более, что казенных квартир для причтов не хватало и отсутствовали социальные гарантии для заштатных клириков и семей духовенства, потерявших кормильца).

Касаясь проблем досуга, автор обращает внимание не только на развлечения, которые могли себе позволить городские клирики (прежде всего наиболее состоятельные), но, что важнее, затрагивает и вопрос о церковных библиотеках, в которых еще в 1820 г. наблюдался дефицит книг Священного Писания. Последнее обстоятельство следует отметить особо: ведь при отсутствии в городском (!) приходе Библии священник оказывался в положении «толкователя» библейских текстов, который мог надеяться только на свою память. В течение второй трети XIX века положение несколько улучшилось, хотя назвать духовное сословие любителями книг (даже церковно-наставительного содержания), вряд ли получится. Изучение повседневной жизни городского духовенства Тверской епархии позволило автору прийти к выводу о его «определенной пограничности»: «находясь на стыке привилегированных и непривилегированных слоев общества, оно впитало черты и того, и другого»; по организации быта служители Церкви нередко тяготели к податным сословиям, а в отношении досуговой сферы стояли ближе к дворянам.

Подводя итоги, автор заключает, что в материальном плане городское духовенство несущественно отличалось от сельского, что именно городское духовенство в первой половине XIX века исполняло различные обязанности – благочинных, членов консистории, духовных правлений, комитетов и попечительств, духовников, духовных депутатов, преподавателей. Но при этом, утверждает автор, «духовные лица по-прежнему не пользовались должным уважением прихожан и властей и были вынуждены непрестанно заботиться о средствах к существованию». Одновременно с этим он замечает,

что к началу Великих реформ духовное сословие представляло собой один из самых консервативных и закрытых «сегментов российского общества», а «разрыв между темпами эволюции сословия и предъявляемыми к нему властью и обществом запросами оказался непреодолимым».

Это грустная констатация, произнести которую автора заставили привлеченные для исследования избранной им темы материалы. Как мы знаем, и в последующее время, вплоть до революционных потрясений 1917 г., духовенство должным уважением не пользовалось, продолжало искать средства к существованию (хотя жизнь городского священника несколько улучшилась), а темпы эволюции сословия не соответствовали запросам общества. Следовательно, возможности реформирования духовного сословия в условиях синодальной системы были весьма ограничены. Это была не вина, а беда «русских левитов», в огромном большинстве не сумевших изменить «форму» своей жизни и социально адаптироваться к стремительно менявшемуся и секуляризовавшемуся (прежде всего – в городах) миру. О начальном этапе этого процесса, на примере изучения городского православного духовенства Тверской епархии, мы и можем познакомиться, читая работу Д. А. Беговатова, которую, после некоторой доработки, следовало бы издать в виде монографии.

В целом, резюмируя, хочу сказать, что диссертационное исследование Дмитрия Александровича Беговатова выполнено на высоком профессиональном уровне, автор блестяще знает историографию и умело использует многочисленные источники по теме. Высказанные в отзыве замечания никак не влияют на самую высокую оценку рецензируемой работы, которой соответствует и правильно оформленный автореферат. По теме диссертации автором опубликовано несколько статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Работа полностью отвечает критериям, установленным Положением ВАК Российской Федерации.

